

Стоял жаркий июль 1907 года. В полицейском участке было душно, и урядник Сидоров Николай Иванович открыл настежь окно, но прохладнее от этого не стало. Чертыхаясь вполголоса, он расстегнул пуговицу на тесном вороте мундира и, вернувшись за рабочий стол, собрался разбирать очередную жалобу местной крестьянки. В это время и вошел к нему сельский староста деревни Городна Яков Семенович Марьюшкин. Растворив с шумом дверь, он снял с головы картуз и начал им отряхивать с себя пыль.

— А ну-ка, баба, выйди отсель, нам поговорить надоть,— тоном, не терпящим возражения, проговорил он, обращаясь к сидевшей на стуле напротив Сидорова крестьянке. Та поежилась нехотя, но осталась сидеть на своем месте, лишь сжав губами конец платка.— Сказано тебе, выйди отсель!— вновь проговорил Марьюшкин, повысив голос.

— Иди, Анна, в коридор, побудь там, я тебя позже кликну,— распорядился Сидоров, обращаясь к посетительнице, а когда та вышла, повернулся к Марьюшкину.— Ты что это, Яков, здесь раскомандовался? Что себе позволяешь?— беззлобно спросил он, но Марьюшкин замахал руками.

— Беда, Николай Иваныч!— произнес он и, не спрашивая разрешения, взял стоявший на сейфе графин с водой и припал к нему сухими потрескавшимися губами. Пил он жадно, проливая воду себе на грудь. Затем поставил графин на место и, тяжело дыша, вытер тыльной стороной ладони мокрые усы и бороду.— Беда!— вновь повторил он.

— Да что ты заладил: беда-беда! Ты можешь толком все объяснить?!— повысил голос урядник, но вместо объяснения староста, озираясь по сторонам, достал из-за пазухи небольшой лист бумаги.

— Читайте, Николай Иваныч,— произнес он и передал лист уряднику.

Николай Иванович надел очки, и начал вчитываться в написанный на листе текст. И с каждой прочитанной строчкой все сильнее и сильнее хмурились его брови. Закончив читать, он достал из кармана форменных брюк носовой платок и стал вытирать им еще более прежнего вспотевшее лицо.

— Ты где это взял?!— строго спросил он, потрясая в воздухе листом.

— Нынче утром, как только выгнали скотину, я шел по деревне и заметил сидящим на выгоне около своего дома односельчанина Сафронова Петра. Он держал вот этот самый лист, что я вам отдал, и читал написанное в нем стоявшим перед ним женщинам. Я прислушался, а когда услышал содержание, тотчас же вырвал у него эту бумагу. Спрашиваю у него: где взял эту дрянь? А он мне отвечает, что ему и Василию Якущеву эти листовки дал Лукашин Алексей.

— А где же сейчас этот Лукашин? Ты был у него?— спросил урядник, складывая принесенный ему бумажный листок и убирая его в портфель.

— Не могу знать, как только я эту листовку отобрал, так сразу к вам поехал, ни к Лукашину, ни к Якущеву не заходил,— ответил Яков, но увидев строгий взгляд урядника съежился.— Ну, чтобы их не спугнуть раньше времени,— пояснил он.

— Правильно, Яков, ты поступил, что не пошел к ним,— кивнул головой Николай Иванович.— Поехали в Городну!— распорядился он после недолгого молчания.

Возможно, именно так начинались те события, о которых речь пойдет ниже. Возможно иначе, теперь мы об этом уже не узнаем. Известно лишь, что события те явились поводом для дознания, проводимого при Тульском губернском жандармском управлении по обвинению крестьянина деревни Городна Ясенковской волости Алексея Тихоновича Лукашина в преступлении, предусмотренном 3 п. 199 ст. Уголовных уложений, начатого 13 июля 1907 года.

Как видно из документов дела, полицейский урядник Сидоров, прибыв в Городну 4 июля, приступил, как сейчас сказали бы, к проведению следственных действий. Вот как он отразил их в рапорте, поданном на имя Крапивенского уездного исправника, цитирую: «1907 года, июля, 4 дня, полицейский урядник по Ясенковской волости Сидоров вследствие полученных сведений от сельского старосты д. Городна Якова Семенова Марьюшкина, который показал, что он шел по деревне и заметил сидящим на выгоне у своего дома односельчанина Петра Степанова Сафронова, который держал в руках прокламацию, содержание которой он высказывал женщинам. Сафронов пояснил, что прокламацию эту ему дал Алексей Лукашин. Также Василий Иванов Якущев объяснил, что недели две тому

назад к нему в избу пришел односельчанин Алексей Лукашин и дал две прокламации, но узнав неодобрительное их содержание, он одну прокламацию сжег в печке, а другую у него кто-то взял. Он слышал, что Лукашин раздавал такие прокламации и другим людям. Алексей Тихонов Лукашин объяснил, что две прокламации он поднял на дороге, ведущей в Ягодное на Троицын день, когда ходил в лес. Листовки эти он принес домой и прочитал их некоторым крестьянам в своей избе, но кому именно, не помнит. Проведенным обыском в доме крестьянина Лукашина ничего противозаконного не обнаружено. При сем прилагаю прокламацию». К рапорту была приложена та злосчастная прокламация, которую мне хочется процитировать полностью с сохранением стилистики речи и орфографии. «Российская социал-демократическая рабочая партия. К крестьянам. Земли крестьян представляют разрозненные жалкие участки, вокруг которых кольцом стиснули земли помещиков и дворян. Крестьяне не имеют возможности благодаря этому держать скот. Ведь собака на дворе великого князя Николая Николаевича (*Видимо здесь речь идет о Н.Н. Романове — авт.*) и та каждый день мясо получает. А крестьяне нешто они видали когда его, кроме как в большие праздники, да и то в урожайные годы. А теперь вот и праздник встречали — так зубы с голодухи стучат. Корки хлеба, поди, во рту не было. Пишите своим депутатам в госдуму, чтобы ни копейки они помещицкому правительству не давали и не доверяли им. Долой безответственное правительство помещиков. Да здравствует полновластное народное представительство!»

Спустя несколько дней, а именно 10 июля, крапивенский уездный исправник переправил данное дело по подследственности — в Тульское губернское жандармское управление, сопроводив его письмом следующего содержания: «МВД Крапивенского уездного исправника, июля 10 дня 1907 года. В конце июня сего года крестьянин д. Городна Алексей Лукашин позволил себе распространить прокламации, так по показанию крестьянина того же селения Василия Иванова Якущева ему Лукашиным были переданы две прокламации. По объяснению сельского старосты Якова Марьюшкина им отобрана прокламация под заглавием «К крестьянам» у Петра Сафронова. Так как по негласным сведениям Лукашин заподозривается в политической неблагонадежности, то он мною, на основании 21 ст. Положения об усиленной охране, арестован при полиции, о чем имею честь сообщить вашему высокоблагородию с приложением дознания и моего постановления по обвинению Лукашина». В тот же день дело, которое в виду особой важности было доставлено не почтой, а нарочным, было рассмотрено лично начальником Тульского губернского жандармского управления полковником Шафаловичем. Он вынес следующее постановление: «1907 года июля 10 дня, я отдельного

корпуса жандармов полковник Шафалович, принимая во внимание имеющиеся в Тульском губернском жандармском управлении сведения о личности крестьянина Алексея Тихонова Лукашина, на основании ст. 21 Положения о Государственной охране, высочайше утвержденного 14 августа 1881 года, постановил: названного Лукашина впредь до разъяснения обстоятельств настоящего дела содержать под стражею в крапивенской уездной тюрьме, о чем ему и объявить. Копию с сего постановления препроводить в места заключения и господину прокурору тульского окружного суда». Спустя трое суток по результатам проверки было возбуждено дознание, и состоялся первый официальный допрос Лукашина. Цитирую: «13 дня в г. Туле я, отдельного корпуса жандармов штабс-ротмистр Корсаков, на основании ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства в присутствии прокурора Тульского окружного суда Васильева допрашивал в качестве обвиняемого крестьянина Алексея Тихонова Лукашина в преступлении, предусмотренном 125 ст. Уголовных уложений. Крестьянин д. Городна Ясенковской волости Крапивенского уезда А.Т. Лукашин родился 9 дня марта месяца 1873 года (34 лет от роду) в д. Городна, православного вероисповедания. Имеет избу со двором и задворок, кирпичный амбар, на гумне рига. Две лошади, две коровы и телку на двудеситинадельной земле. Род занятий — хлебопашество. По воинским делам зачислен в ратники ополчения 1-го разряда. Под судом и следствием никогда не состоял. Имеет мать Варвару Васильевну — 60 лет, жену Авдотью Петровну — 30 лет. Четырех детей: Дмитрия — 10 лет, Михаила — 8 лет, Александру — 5 лет, Ивана — 3 года. Лукашин показал: родители его д. Городны временно обязанный крестьянин Тихон Алексеев и его жена Варвара Васильева православного вероисповедания. Имена восприемников (*крестных — авт.*) той же деревни Игнатьев и д. Колпны временно обязанного крестьянина господина Кулешова Степана Васильева жена Мария Николаева. В конце июня месяца, на Троицын день он, Лукашин, пошел в лес и по дороге, ведущей в д. Ягодное, нашел две листовки с прокламацией. Эти листовки он читал в своей избе некоторым крестьянам, но кому именно не помнит».

А тем временем, когда на крестьянина Лукашина всей своей мощью обрушилась жандармско-полицейская лавина, его родные не сидели сиднем, а искали всевозможные пути и выходы на людей, способных повлиять на ход событий. Одним из таких людей был секретарь Льва Николаевича Толстого Владимир Григорьевич Чертков. Он 17 июля направил письменное обращение. Данное обращение мне хотелось бы процитировать полностью. «Милостивый государь Виктор Александрович. (*Видимо здесь речь идет о тульском вице-губернаторе В.А. Лопухине — авт.*) Хотя я имел удовольствие видеться с вами только раз у Льва Николаевича

ча Толстого, надеюсь, вы не посетуете на меня за то, что решаюсь побеспокоить вас этим письмом. В находящейся в моем соседстве деревне Городна был на этих днях арестован крестьянин Алексей Тихонов Лукашин, который в настоящее время находится в заключении в г. Крапивне. Мать его, которая приходила ко мне за советом, как помочь ее горю, и местные крестьяне утверждают, что обвиняется он по наговору городненского старосты из мести за то, что он принимал наиболее деятельное участие в состоявшемся недавно смещении этого старосты начальством за неправильные действия по службе. Обвинение Лукашина заключается, как мне говорят, в том, что у него нашли две брошюры, неизвестного мне содержания, но очевидно нелегального характера. Подобные брошюры в настоящее время имеют самое широкое распространение среди крестьянского населения, как и вообще по всей России, а потому арест и тюремное заключение, направленные против одного крестьянина, не совершившего ничего более преступного с правительственной точки зрения, нежели большинство окружающего его местного населения и миллионы и миллионы других крестьян — представляется крайне несправедливым. А содержание его в тюрьме до суда во время теперешней страдной поры, сверх того в высшей степени жестоко по отношению как к нему, так и к его семье, состоящей из восьми душ, в том числе пяти детей, полагающихся на него одного, как на единственного взрослого работника в семье. Вместе с тем и с правительственной точки зрения, казалось бы, разрешение Лукашину вернуться домой для полевых работ до производства над ним суда, — было бы мерою благоразумною, так как крестьянин этот пользуется всеобщим уважением среди окрестного населения, которое естественно возмущено его арестом. А в настоящее и без того беспокойное время подливать масло в огонь народной тревоги и без надобности раздражать население вряд ли может соответствовать государственным целям. Надеюсь, что вы поверите, что настоящее мое обращение к вам было вызвано единственным требованием моей совести. Прошу вас, милостивый государь, принять уверения в моем к вам глубоком уважении и совершенной преданности. В. Чертков, Ясенки, Тульская губерния». И в то же самое время на имя тульского губернатора было направлено прошение матери Лукашина — Варвары Васильевны. Она писала: «Сего 8 июля мой сын Алексей Лукашин арестован и препровожден в крапивненскую тюрьму, будто бы как замешанный в политическом преступлении. Но за сыном моим никогда ничего преступного не было. Полагаю, что все это произошло по злобе и идет от бывшего сельского старосты Якова Марьюшкина за то, что сын, как ближайший сосед не мог уклониться от подписи сельского приговора с просьбой об увольнении старосты от должности за упущения возложен-

ных на него обязанностей, работал у земского начальника 3-го участка, который и постановил Марьюшкина уволить. Вслед за этим на другой же день и постигла нас это несчастье. Я, старая его мать, жена его и дети остались без кормильца».

Трудно предугадать, что же в конечном итоге повлияло на результат этого дела, на людей, от которых зависела не только дальнейшая судьба крестьянина Лукашина, но, возможно, и его жизнь то ли объективность жандармского штабс-ротмистра, то ли влиятельные толстовские силы, то ли материнский крик о помощи? Но что-то, видимо, повлияло, и 6 августа штабс-ротмистр Корсаков выносит следующее постановление, цитирую заключительную часть: «В виду того, что свидетели не подтвердили того обстоятельства, чтобы Лукашин передавал когда-либо кому-либо для прочтения брошюры противоположительственного характера, направляю дознание по делу крестьянина А.Т. Лукашина для внесения в губернское совещание». И только 1-го сентября, наверное, после окончания летних отпусков, состоялось это долгожданное для Лукашина заседание, из которого мне так же хотелось бы процитировать его заключительную часть. «1907 года, сего сентября 1 дня Тульское губернское совещание на основании 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства под председательством исполняющего делами тульского губернатора Кобеко, при участии прокурора тульского окружного суда Кегель и начальника тульского губернского жандармского управления Шафаловича, рассмотрев произведенное дознание, постановило: дознание по обвинению крестьянина А.Т. Лукашина производством прекратить. Принятую против Лукашина меру пресечения отменить, о чем ему и объявить».

Так была поставлена точка в этом деле. Алексей Тихонович Лукашин вскоре был освобожден из тюрьмы и вернулся к себе домой. А через десять лет в России произойдет революция, вихри которой сметут и царскую полицию, и жандармерию, и тульское губернское правление вместе с губернатором и различными совещательными комиссиями. Революция, которую всем сердцем примет сын Алексея Тихоновича Лукашина Дмитрий, вставший во главе первой в крапивенском уезде городненской комсомольской ячейки. Вспоминая, как он босоногим мальчишкой бежал по пыльной дороге, пытаясь со слезами на глазах догнать повозку, на которой полиция увозила в тюрьму его отца, он будет разрушать старое и строить новое. Будет гореть этой работой и сгорит в прямом и переносном смысле этого слова. И возродится именем своим на одной из многих щекинских улиц. Впрочем, это уже совершенно другая история.